

12 APR 1973

ГЛУБИНА И МУДРОСТЬ

Боюсь показаться банальным, сказав, что работа над Островским меня обогатила. Обогастила прежде всего потому, что дала возможность без литературоведческой предвзятости, создавшей сценические версии постановок Островского, пристально посмотреть на одну из его пьес и физически почувствовать глубину и мудрость великого драматурга.

Мне кажется, что ни для одного из русских драматургов, включая Горького и Чехова, не являются такими пагубными канонизация и сценический штамп, как для пьес Островского. Во-первых, потому, что и Чехов и Горький как-то ближе к нам, живущим сегодня, а «неочищенный» от наслоений и сценической предвзятости Островский оказывается как бы существующим в другом времени. Во-вторых, при таком подходе Островский становится удивительно одноликим.

«Это — Островский!» — многозначительно говорят знатоки сценических штампов забывая, что Островский — самый многоликий драматург в русской литературе. Островский одних пьес ни стилистически, ни образно не похож на Островского целого ряда других произведений и уже потому требует серьезного и скрупулезного подхода.

Работа над спектаклем «Доходное место» практически опрокинула мое представление об Островском, как о бытописателе — спокойном, умиротворенном. В «Доходном месте» для меня обнаружился гигантский общественный темперамент автора. Это — драматург резкий, беспощадный по расстановке сил, по борьбе, составляющей суть его пьес. Мне кажется, сегодня в театре вообще, за общей культурой, за мыслью (которая, безусловно, большое завоевание современного театра), мы забываем о притягательной для зрителя силе — силе воздействия характеров. Пьесы Островского — школа

для режиссера и актера в постижении и разработке характера.

Мне думается, что нельзя сегодня говорить о «Театре Островского», потому что каждая его пьеса — это отдельный театр. «Доходное место» — комедия. Так написано у Островского. Но за комедийностью у автора — драматизм.

Что показалось мне в ней современным? Это история благих намерений молодого человека, оборачивающихся драмой и падением, так как эти намерения не подкрепляются реальными качествами борца. Многие литераторы связывают имя Жадова с поисками положительного идеала. Мне кажется это неверным. Нельзя считать отступника образцом нравственности. Компромисс — всегда исток драматической, несладкая судьбы. И Жадов, как мне думается, последовательно приводится Островским к падению. Сдача позиций под напором обстоятельств является нравственной гибелью Жадова. Слова, произносимые Жадовым в финале, не выражают сути драмы, происшедшей в этот момент. Он хватается за свои старые мысли, как утопающий за соломинку. Воспоминание о том, чем жил в недалеком прошлом, не спасают нашего героя. В сборнике историко-литературных статей, изданном в 1912 году, обозреватель пишет:

«...в лице Жадова он (Островский) рисовал не героя, а лицо комическое, тип некоторых молодых людей, прошедших сквозь университеты и другие учебные заведения и вынесших на себе из этих заведений мантию добрых фраз, которая чрезвычайно скоро вытирается от прикосновения действительной жизни. Но если Островский хотел изобразить в своем Жадове истинного героя добра, тогда мы должны были бы объявить его пьесу неблагоприятною пьесой; ибо тогда она служила бы подтверждением для тех пошляков, которые говорят: «Ну, вот вам и образова-

ние! Вот вам и образованный человек! Как пришла нужда, так не то заговорил!...» Но мы уверены, что Островскому и в голову не приходило подобное намерение, и потому смело считаем Жадова не героем, а лицом комическим». Глубокая социальная драма, скрытая за комедийной канвой «Доходного места», состоит в том, что нестойкость жадовых расчищает путь белогубовым, беспринципность которых — опасное социальное зло.

Хочется сказать еще и о том, что мы привыкли к неторопливым ритмам Островского. Думается, это неверно. Сам характер времени, в течение которого протекает действие многих его пьес, и в частности «Доходного места», обуславливает ритмы особые. Два первых действия (по Островскому) протекают в течение одного дня. Потом — год перерыва. И три действия следующих сконцентрированы в течение нескольких часов (часа 3—4, не больше, вечером после службы). Это насыщает действие, диктует особое напряжение жизни.

Сформировалось устойчивое понятие «стиля, присущего «Театру Островского». Думается, что стиль каждой пьесы индивидуален. А в «Доходном месте» — очень неоднороден. Такое впечатление, что Островский пропустил своего Жадова через анфиладу разных миров. Вот он появляется в приемной квартиры дядюшки-генерала, сфера которой похожа на сферу пьес Сухово-Кобылина. Потом Жадов оказывается в почти водевильной стихии дома Кукушкиной. Затем (спустя год). Островский опускает Жадова на дно кабака, по фантазмам происшедшего здесь напоминающего мне фантазии Салтыкова-Щедрина. А муки Жадова у себя дома (в последнем акте) похожи на психологические эскизы Достоевского. Так создается стиль спектакля, далекий от традиционного понимания стиля театра Островского.

Работа только над одной пьесой великого драматурга вызвала массу мыслей, раздумий, истинного творческого удовлетворения. А сколько их. пьес прекрасных и таинственных: «Таланты и поклонники», «Лес», «Бесприданница», и другие, и другие...

А. ХАЙКИН,
режиссер Омского драматического театра.